

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПРОКЛЯТАЯ МЕТКА

А. ДЕККЕР

18+

А. Деккер

Проклятая метка

<https://litres.ru/74122269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лара. Метки парности делают нас безвольными куклами, послушными рабынями. Я ненавижу их. Я — человек. А не просто оборотень, подчиняющийся животным инстинктам.

Деклан. Она отказалась от меня. Она засадила меня в клетку, как бешеного зверя. Но я отомщу. За каждый день, за каждую ночь, что я провёл в тюрьме.

Держись, Лара, я иду за тобой. Тебе больше не сбежать от меня, не спрятаться. Ты будешь моей. И заплатишь за всё.

Содержание

От автора	4
Пролог	6
Глава 1	16
Глава 2	28
Глава 3	43
Глава 4	58
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

А. Деккер

Проклятая метка

От автора

Предупреждение

Вы открыли тёмный роман. В нём присутствуют темы, которые могут вас расстроить:

- Слом личности
- Принудительная близость
- Токсичные отношения
- Дисбаланс власти
- Морально-неоднозначный финал
- Насилие: эмоциональное, физическое, сексуальное, (в т.ч. принуждение, изнасилование)
- Газлайтинг
- Манипуляции
- Публичные унижения
- Сцены драк в волчьей форме
- Убийства
- Откровенные сексуальные сцены
- ПТСР
- Измена

— Принуждение к сексу при свидетелях

— Нецензурная лексика

Если что-то из списка триггеров вы считаете для себя неприемлемым, пожалуйста, отложите книгу и найдите другую.

Благодарности

Илания, спасибо за твоё терпение, поддержку и веру в меня. Я знаю, что вынесла тебе мозг с обложкой, но... готовься к следующей)))

Огромное спасибо моим бета-читательницам:

Дарье, заставившей меня поклясться, что я не буду ничего менять.

И Анне, которая назвала Деклана «мразью ***ой» — это лучший комплимент, значит, он получился таким, каким и был задуман.

Посвящается

Тем, кто сломан. Помните, вы не одни.

Пролог

Три года назад

Лара

— Лара, ну согласиись, он же просто красавчик! — голос Кейт едва пробивается сквозь оглушительный рёв трибун.

Я рассеянно киваю в ответ и провожу пальцем по краю бумажного стакана с попкорном, к которому я так и не приоткрылась. Снова оглядываюсь. Моё сердце сжато в тугую, тревожный комок, а по спине стекают ледяные мурашки.

Взгляд скользит мимо парня, что весь матч без устали пинал спинку моего кресла. Я вглядываюсь в ряды болельщиков, выискивая источник нарастающей паники. Меня не покидает мерзкое ощущение, что за мной следят.

Буравят взглядом затылок, лопатки. Пытаются проникнуть под кожу. Настойчиво. Безжалостно. Неотвратимо.

Волчица внутри меня опасно жмётся и поскуливает, остро чужая опасность, и я натягиваю капюшон, пытаюсь спрятаться, раствориться в бушующей вокруг меня толпе.

— Ты вообще меня слушаешь?! Майк Росс! Он же про-

сто бог! — Кейт вцепляется мне в плечо, заставляя вздрогнуть. — А его задница... — стонет она, прикрыв глаза. — Ты видела её? У меня просто нет слов! Так бы и впилась в неё зубами.

— Ага, — машинально отвечаю я, нервно сжимая стакан так сильно, что хлипкий картон легко мнётся в пальцах.

Мысли кружатся вихрем.

Кто он? Почему так смотрит на меня?

Что. Ему. Нужно?!

Господи, зачем я вообще согласилась пойти на этот чёртов футбол?

Надо было остаться дома и готовиться к экзаменам, до которых осталось всего ничего, а не сидеть здесь, среди ревущей толпы, задыхаясь от густой смеси запахов оборотней, пива и жареной еды.

И всё это под прицелом чьего-то чужого тяжёлого взгляда.

— Серьёзно? — Кейт обиженно фыркает, скрещивая руки на груди. — И это всё, что ты можешь сказать?!

Я уже готова ответить, что ей надо радоваться: на одну конкурентку меньше, как вдруг...

...из тошнотворного хаоса запахов выбивается один.

Единственный.

Он обрушивается на меня, как удар хлыста. Резкий. Мощный. Незнакомый. На секунду меня словно парализует, а затем сердце срывается в бешеную скачку, угрожая разорвать грудную клетку. По всему телу разливается нестерпимый

жар, и весь мир сужается до одной точки — дурманящей, властной, зовущей к себе.

Меня пугает собственная реакция. То, как моя волчица, ослеплённая животным порывом, вмиг поднимает голову и не просит — требует выпустить её на волю. Сколько себя помню, я всегда боялась именно этого: превратиться в похотливую, лишённую воли и разума, самку, готовую отдаться первому встречному, признать его парой лишь из-за какого-то запаха.

Это так омерзительно. Гадко.

Но...

Я непроизвольно втягиваю воздух, пытаюсь снова уловить эти ноты. Влажный мох, кедр и колючая морская соль. Пьянящий коктейль, что вбивается в моё сознание, маня за собой.

Нет!

Сжав кулаки, я впиваюсь ногтями в ладони, боль должна вернуть ясность рассудку, и вскакиваю с места, будто кресло жжёт меня. Мне срочно... Срочно нужен глоток свежего воздуха!

— Лара?! Что случилось? Ты куда? Матч же ещё не закончился! — Кейт хватается меня за руку, пытаюсь удержать на месте.

— Мне нужно уйти! Меня сейчас вырвет, — судорожно выдыхаю я, и это почти правда.

Горло сжато спазмом. Мне физически невыносимо здесь

оставаться.

— Но... Как же Майк? — её глаза, полные тоски, мечутся между мной и футбольным полем. — Я так надеялась...

— Оставайся. Я сама. Всё нормально, — говорю я, вытаскивая руку из её хватки.

— Ты уверена?.. — с сомнением спрашивает она.

Я киваю.

Она какое-то время колеблется, переводя взгляд с меня на поле и обратно, пока желание попытаться счастья со своим кумиром не перевешивает тревогу за меня.

— Звони, если что! — доносится мне в спину, когда я уже пробираюсь вдоль рядов к выходу.

Я вырываюсь из духоты стадиона и на мгновение замираю.

На парковке стоит гулкая, неестественная тишина. Фонари выхватывают из темноты длинные, искажённые тени, что тянутся от выстроившихся в шеренги машин.

Ни души.

Холодный воздух пахнет свежестью и мокрым из-за недавно прошедшего дождя асфальтом. Зябко ёжась, я обнимаю себя за плечи.

И вдруг... снова он.

Тот. Самый. Запах.

Густой и удушливый, он заполняет воздух. Проникает в лёгкие. Впитывается в кожу.

И вместе с ним взгляд. Тяжёлый, буравящий.

Сердце на миг замирает. Резко развернувшись, я краем

глаза улавливаю мимолётное движение, которое тут же растворяется в тенях стадиона. Снова никого. Но я чувствую, как темнота внимательно смотрит на меня. Изучает.

Я срываюсь с места. Подошвы кроссовок гулко бьют по асфальту, их эхо разносится по парковке.

Добежав до своего потрепанного жизнью седана, я шумно выдыхаю от облегчения.

Руки дрожат, ключ скользит мимо замка и падает на землю. Чертыхаясь, я шарю руками по влажному асфальту. Наконец нахожу его. И, о чудо! У меня всё же получается открыть машину. Запрыгнув внутрь, я тут же блокирую двери с глухим щелчком и, прислонившись лбом к прохладному рулю, пытаюсь отдышаться.

Завожу двигатель. Совсем скоро я буду дома! В безопасности.

Вырулив с парковки, я покидаю территорию колледжа. Вскоре окраина Сиэтла остаётся за спиной, и я сворачиваю в сторону пригорода, где мы с Кейт и ещё несколькими девочками снимаем квартиру.

Фары выхватывают из темноты пустынную дорогу. Деревья вдоль обочины кажутся жуткими чудовищами, тянущими ко мне свои острые, скрюченные лапы, от чего по спине бегут липкие мурашки, а ладони на руле становятся влажными. Я езжу здесь каждый день, но никогда ещё мне не было так страшно.

Вдруг в зеркале заднего вида замечаю отблеск фар сле-

дующей за мной машины. Испуганно вздрогнув, пристально всматриваюсь в отражение, пытаюсь её рассмотреть. Бесполезно.

Прибавляю газ. Ещё. Но расстояние между нами ничуть не увеличивается.

Комок холодного страха подкатывает к горлу. А если это он? Тот парень со стадиона.

Инстинкт ревьёт об опасности. Сглотнув, деревенеющими пальцами впиваюсь в руль. Сердце бешено колотится где-то в горле, сбивая дыхание. Надо позвонить отцу. Не знаю, чем он сможет сейчас помочь, но никаких других мыслей в голове попросту нет. Лишь паническая пустота.

Удерживая руль одной рукой, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида, я тянусь за телефоном, лежащим на консоли. Но едва кончики пальцев успевают коснуться прохладного пластика, как он выскальзывает и падает на пол, проваливаясь в тёмную пропасть у педалей.

Твою мать! Ну какого дьявола?!

Вцепившись в руль, наклоняюсь и пытаюсь нашарить рукой грёбаный телефон. Не достаю! Рычу от досады и нарастающей паники.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Продолжаю тянуться и... тут же чувствую, как теряю управление. Не успеваю даже толком испугаться, как...

БАХ!

Моя голова летит вперёд, с силой ударяясь о руль — перед

глазами тут же вспыхивают звёзды. Затем назад и затылок впечатывается в подголовник.

Я сижу и тупо моргаю, пытаюсь осознать произошедшее.

Прямо передо мной торчит здоровенное дерево, возникшее совершенно из ниоткуда! Из-под капота медленно, будто нехотя, выползает сизый дым. Закручиваясь в причудливые кольца, он обволакивает ствол.

Твою мать...

На автомате я судорожно отстёгиваю ремень безопасности и вываливаюсь из салона. В ступоре смотрю на свою машину, намертво впечатанную в дерево. По лбу и переносице течёт что-то щекотное, тёплое и липкое.

Да как так-то!? Всего на секунду... Всего на одну проклятую секунду стоило отвлечься...

До меня доносится приглушённый шелест шин по асфальту и тихое урчание мотора, что стихает в нескольких шагах за моей спиной. Дыхание перехватывает, по телу разливается леденящая волна паники, а сердце раненой птицей бьётся в горле, царапая его изнутри.

Я совсем про него забыла!

Может, если не двигаться, он уедет? Растворится в ночи и...

Слышу глухой хлопок двери. Не сработало. С обречённым стоном я поворачиваюсь.

Свет фар ослепляет. Рассмотреть удаётся лишь тёмный силуэт огромного, похожего на корабль внедорожника и

мощную мужскую фигуру, что медленно движется ко мне.

Лёгкий ветерок бьёт в лицо, и я снова чувствую этот запах. Мох. Кедр. Соль. Они комом встают в горле, и я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Это он!

Тот парень, что был на стадионе.

И мы с ним вдвоём на совершенно безлюдной дороге.

Моя волчица — чёрт бы её побрал! — сходит с ума: скулит, тает, тянется к нему. Готова ползти на брюхе, поджав хвост, чтобы подставить загривок, вымаливая метку. Блядь!

Почему я решила, что не такая, как все? Почему была уверена, что сильнее этого первобытного инстинкта? Мне же просто везло, невероятно везло. И вот сегодня вся моя удача неожиданно закончилась. Впервые в жизни я встретила оборотня, от запаха которого всё моё нутро сводит судорогой похоти.

Сглатываю и, наперекор беснующейся внутри твари, с трудом делаю шаг назад.

— Нужна помощь? — его глубокий, обволакивающий голос пробирает до дрожи, внизу живота стягивается тугой болезненный узел.

Меня ведёт. Чёрт, как же меня от него ведёт! Я отчаянно трясую головой, пытаюсь прогнать навязчивый дурман. Нет, не меня. Её. Только её, волчицу, будь она неладна.

В горле пересыхает. Ноги ватные. Я будто опутана невидимыми верёвками. С ужасом понимаю: ещё пара таких фраз,

и у волчицы окончательно сорвёт крышу, я не смогу с ней совладать, и тогда...

Это мерзко. Страшно. Я его не знаю. Но прекрасно представляю, зачем он здесь. И эта похотливая самка... Она позволит ему всё. Всё, что угодно. И будет скулить от восторга, чтобы он ни сотворил с ней... с нами.

Он подходит ближе, и его фигура в свете фар вырастает до невероятных размеров, заслоня мир.

— Что случилось? — спрашивает он приторно-ласково, но в его голосе нет заботы, лишь хищное, густое предвкушение.

Я пристально вглядываюсь в лицо, скрытое тенью и... не вижу ничего, кроме всполохов жёлтого волчьего огня в его глазах. Он готов к обороту.

У меня только один шанс! Единственный. Мгновение, и мои кости ломаются с хрустом, мышцы выкручиваются. Несколько ударов сердца — и я уже не человек, а волчица, что тут же срывается с места в бег.

Мчусь. Пустынная дорога сливается в чёрную ленту. Деревья стоят сплошной тёмной стеной без малейшего проблеска надежды.

Адреналин жжёт кровь. Пульс в висках строчит как из пулемёта. Пересохший язык болтается в раззявленной пасти.

Слышу его рык сзади. Глухой, яростный. Его лапищи с силой долбят по асфальту. Он близко. Чувствую его остервенение всем телом, каждым волоском, стоящим дыбом.

Он совсем рядом!

Ощущение, что его огненное дыхание уже обжигает мой затылок. Ещё мгновение, и....

Резкий удар сбивает меня с ног и швыряет о землю. Искры сыпятся из глаз. Из горла вырывается стон, когда его огромная туша придавливает меня к асфальту без малейшего шанса вырваться. Отвратительный запах бьёт в ноздри, душит, сводит с ума, лишая воли.

Острые клыки впиваются в загривок, и моё тело прошивает дикой болью.

Мне конец!

Глава 1

Настоящее. Три года спустя

В нашей с Мэдсом кофейне всегда шумно. Мягкий ненавязчивый гомон, взрывы смеха и периодическое позвякивание колокольчика над входной дверью сливаются в уютную, знакомую какофонию. Золотисто-песочные, словно поцелованные солнцем стены и в тон им мягкие диваны, что приятно контрастируют с тёмным деревом столиков. Крупные, стилизованные под старину пузатые лампы. Густой воздух, настоящий на сладко-горьком аромате свежемолотого кофе и выпечки.

Закрыв глаза, я с наслаждением вдыхаю, впитывая в себя атмосферу этого места. Это мой укромный уголок, спрятанный от бурь большого мира.

Здесь, среди толпы обычных людей, оборотней всего двое: я и Мэдс. Никому нет до меня дела. Нет ни косых взглядов, ни перешёптываний за спиной. Среди них я никто. Простая соседская девчонка чуть за двадцать, с длинными светлыми волосами, убранными в высокий хвост, в джинсах и светлой рубашке. Таких в этом городе тысячи. И мне это нравится.

Чувствуя приближение Мэдса, я открываю глаза. Он под-

ходит к столику, ставит на него два бумажных стаканчика с кофе и садится напротив меня. Мой хороший, по сути, теперь единственный друг. Его уложенные гелем светлые волосы стильно топорщатся, а серо-зелёные глаза смотрят на меня с затаённой заботой. Мы знакомы всего пару месяцев, но ощущение, будто я знаю его всю жизнь, так с ним легко и просто.

— И всё же в следующий раз я угощаю, — говорю ему, обнимая ладонями горячий кофе.

Вот уже три месяца как я наконец нашла работу и могу себе это позволить.

— Забудь. Я парень и я тебя пригласил, — как обычно фыркает он, когда я говорю об этом, и его лицо тут же озаряется широкой улыбкой, отражающейся в глазах. — Как работа? Совсем заездили?

— Ну так... — хмыкаю я, пожимая плечами и делая обжигающе-приятный глоток. — Ничего нового.

Меня, конечно, гоняют как и любого новичка. Иногда кажется, что и вздохнуть некогда, но мне нравится работать в архиве колледжа.

Почти год после выпуска я безрезультатно моталась по собеседованиям, везде натываясь на отказы. Пусть и не всегда в открытую, но мне припоминали ту историю трёхлетней давности. Так что мне ещё повезло, что удалось найти хоть что-то. К тому же я, как и почти все оборотни Пьюджет-Саунд, сама там училась и потому всё в этом месте для

меня привычно и знакомо. Почти безопасно.

А ещё в архиве редко бывают посетители, что не может не радовать. Мэдс — единственное исключение. Мы познакомились, когда он пришёл искать одно старое дело, а потом как-то неожиданно сдружились. Даже не верится. Ведь после суда, после того как меня выставили на посмешище, извратив мои слова до неузнаваемости, я избегаю людей и их внимания, стараюсь ни с кем не сближаться.

Но Мэдс... Ни словом, ни взглядом он ни разу не высказал осуждения в мой адрес. Он просто слушал меня и... понимал.

«Сама хотела».

«Сама перед ним ползала на брюхе».

«Сама ноги раздвинула, а потом решила засадить в тюрьму».

Это было самое невинное из всего, что я слышала за последние три года. В спину. В лицо.

Вспомнив об этом, я нервно сжимаю бумажный стаканчик, и он сплющивается. Крышка слетает. Часть горячего кофе выплёскивается на тёмную столешницу. Я тут же хватаю горсть салфеток и начинаю суетливо вытирать лужу, стараясь, чтобы дрожь в руках была не так заметна.

Конечно! О чём бы ни заходил разговор, мои мысли, как проклятые, всегда возвращаются к одному и тому же. К тому, что случилось тогда.

Можно подумать мало мне кошмаров, моих верных спут-

ников всё это время. В них на репите раз за разом прокручивается одна и та же сцена: ночь, погоня, метка, утро. И это липкое, мерзкое ощущение, что бежать некуда и спрятаться негде, не покидает меня даже после пробуждения, когда я лежу в поту, с бешено колотящимся сердцем.

— Лара, всё хорошо. Мы в кофейне. Я рядом. Тебе ничто не угрожает, — мягко говорит Мэдс, и его ладонь осторожно ложится поверх моей, всё ещё судорожно трущей стол.

Чужое прикосновение обжигает словно раскалённый добела металл. Резко выдернув кисть, я откидываюсь на спинку дивана, закрываясь от него и от всего мира сложенными на груди руками. Отвожу взгляд в сторону, к золотистой стене.

Он знает. Ему не нужно объяснять, что за тень легла на мою душу. Видит. Всю мою боль, весь мой ужас, все эти трещины, что не срослись до сих пор.

Понимаю, что он не хотел ничего плохого. Но это не зависит от него или меня. Моя память — чёртова сука. Сколько ни запирай воспоминания, ни спускай их на самое дно, ни заковывай в цепи — они всегда найдут щель. Высунут жало и нанесут удар. Снова и снова. Отравляя меня, впрыскивая яд прямо в синапсы.

А ведь Мэдс всего лишь спросил о работе...

Тик-так. Тик-так.

Я почти физически ощущаю этот звук: ледяную, безжалостную вибрацию в костях и венах. Слышу, как стрелки часов скребутся по циферблату, отсчитывая дни, минуты, се-

кунды до «часа икс».

Шестьдесят три дня.

Это всё, что у меня осталось.

А что будет потом? Не знаю. Даже боюсь представить.

И всё же внутри теплится детская, наивная надежда, что он остыл, забыл. Хотя я прекрасно помню тот его взгляд в зале суда. Яростный, пронзающий до самого нутра. Он словно живьём сдирал с меня кожу, насаживал на вертел и отправлял в адское пекло ещё до того, как приговор был оглашён.

Такие не забывают. Не прощают.

Я боюсь его мести. До одури. До полного оцепенения. До ночного вязкого ужаса.

Что он сделает, когда выйдет из тюрьмы?

Почти все, благодаря его ушлому адвокату, считают, что он сел незаслуженно. И сам ублюдок, конечно, тоже верит в это.

«Разве он сделал что-то дурное? Он просто поставил метку. Это так естественно для оборотней. И потому всё, что случилось потом никак нельзя называть изнасилованием, ведь они уже были парой», — настаивал его защитник.

Сын Альфы одной из Старых семей. Неприкасаемый. Считающий себя выше любого закона. До последнего никто не верил, что его посадят. И всё же... Он за решёткой.

И мне бы радоваться. Вот только всё это время, пока он там, мне приходилось выживать в аду всеобщего осуждения и собственных кошмаров. Я вынуждена была перейти на ди-

станционное обучение и заканчивать колледж в изоляции, потому что находиться рядом с другими оборотнями стало невыносимо: их взгляды, шёпоты, отчуждение — всё это давило на меня.

А я так надеялась, что когда суд закончится, моя жизнь вернётся в привычное русло. Жестокая ошибка. Ничто не стало прежним.

Даже Кейт, моя самая близкая подруга, осудила меня, выставив круглой идиоткой.

— Тебе метку поставил сам Деклан Гримшоу! — шипела она, и в её глазах пылала жгучая зависть. — Я бы в такой шанс зубами вцепилась, молилась бы на него до конца своих дней и ублажала как божество! А ты... Дура! И мало того, что дура, так ещё и остальным всё обломала. Зачем нужно было устраивать этот цирк? Ни себе, ни людям!

— А как же Майк Росс? — напомнила я ей тогда. Это же она столько времени пускала на него слюни. — Ты же всегда говорила, какие у него руки, какая фигура, задница. Ты вроде бы была в него влюблена.

— Лара, Господи, какая же ты наивная, — Кейт посмотрела на меня с презрительным снисхождением. — При чём тут вообще какая-то любовь? Единственное, что имеет значение, — это из какой он семьи. А Майк... Он, конечно, симпатичный, но он всего лишь щенок. Альфой ему никогда не стать, хоть лопни. Гримшоу же будущий глава стаи. Да пойми ты! За ним власть, сила, деньги.

Сколько раз я жалела, что ввязалась в эту историю. Надо было просто уйти, тихо свести его метку и забыть. Просто забыть. Просто жить дальше. Словно ничего и не было. Так что в чём-то Кейт и в самом деле была права. Я такая дура!

Но тогда я об этом не думала. Мною правила слепая ярость. Я жаждала, чтобы он заплатил за кошмар, что я пережила.

До сих пор помню его клыки на моём загривке и боль, прошивающую всё тело. Его приказ обернуться в человека. А потом... Руки, его вездесущие руки. И не только их... Его отвратительный, ядовитый запах, смешанный с моим страхом. Его хриплое дыхание у самого уха. И самое мерзкое — восторженный трепет моей внутренней волчицы, что сгорала от желания отдаться ему.

Влажный мох. Кедр. Морская соль.

От одного воспоминания о его запахе меня пробирает ледяная дрожь. Я ёжусь и судорожно обхватываю себя за плечи.

Мэдс, как всегда внимательный, сразу замечает мое состояние.

— Опять из-за него переживаешь? — осторожно спрашивает он.

Я киваю, всё ещё уставившись в стену, где маленькая трещинка в штукатурке рисует причудливый узор.

— Лара, осталось всего два месяца и...

— Я знаю! — зло огрызаюсь в ответ и впиваюсь в него

взглядом. Ну зачем он об этом напоминает?! Тут же накатывает волна стыда, горячая и густая, и я закрываю лицо ладонями. — Прости, — еле слышно шепчу я.

Знаю, что Мэдс желает мне только добра, но одна лишь мысль о том, что времени осталось так мало, заставляет мои внутренности сжиматься в тугой, болезненный узел. Хочется кричать! Выть! Или забиться в глубокую нору, подальше от всего этого, и никогда больше не высовываться наружу.

— Не извиняйся. Я понимаю, — участливо произносит он. — Я совсем не хочу снова делать тебе больно, но меня тревожит один момент. Ведь он... — Мэдс замолкает, словно ему тяжело говорить об этом.

Убрав ладони от лица, я пристально смотрю на него.

— Ведь он «что»? — выдыхаю, чувствуя, как меня опять накрывает раздражение.

— Он... может повторить то, что уже сделал.

— В смысле повторить?! — ошарашенно переспрашиваю я, не в силах поверить в то, что только что услышала.

— Если он поставил метку один раз, то может поставить и второй.

— Тогда он снова сядет в тюрьму! — отрезаю я.

Но... От одной только мысли, что весь этот кошмар может повториться, тошнота подкатывает к горлу. Я не смогу... Просто не смогу пройти через всё это второй раз!

— Он же не идиот, чтобы... — сжав кулаки, тихо бормочу я.

— А если ты ошибаешься, Лара?

— Нет!

Некоторое время Мэдс молчит, пока я отчаянно мотаю головой из стороны в сторону.

— Хорошо, может, он и не идиот, но он же сумасшедший! Больной на всю голову псих.

— Можно подумать, я этого не знаю? — с горечью хмыкаю я. — Но что с того? Я не понимаю. При чём тут ещё одна метка? Зачем? С чего ты вообще взял, что ему это надо? Бред какой-то. Да ему проще убить меня или... или отомстить как-то иначе.

Мэдс снисходительно улыбается. Так, будто я сказала совершеннейшую глупость.

— Лара, он оборотень. Ты унизила его, когда свела его метку. Лучший способ наказать тебя: поставить её заново.

Что?! Нет! Это же бред! Сущий бред! Чушь собачья!

— Он не сделает этого! — я качаю головой, теребя пуговицу на рубашке. — Ему это не нужно. Не нужно.

— Хочешь рискнуть и проверить? — голос Мэдса звучит сочувственно и как-то обречённо.

— Конечно же нет! — в паническом ужасе вскрикиваю я.

— Знаешь, я много думал над этим. И, кажется, нашёл вариант, который обезопасит тебя от него. Но... боюсь, он тебе не понравится. Он... — Мэдс какое-то время молчит, а потом резко мотает головой, отводя взгляд. — Ладно... не важно. Прости, что завёл этот разговор. Не хотел тебя расстраивать.

Будешь ещё кофе? Может пирог с ежевикой? — предлагает он, быстро вставая из-за стола, будто пытаясь сбежать от собственных слов.

— Какой? — глухо вырывается у меня.

— Пирог?

Он издевается?!

— Вариант! — повышаю я голос. — Какой вариант, Мэдс?

Он замирает. Мнётся несколько секунд, смотря мимо меня. Затем с тяжёлым вздохом опускается обратно за столик. Кладёт руки перед собой и сцепляет их в замок так крепко, что костяшки пальцев белеют.

— Ночь поиска пары, — наконец выдаёт он.

— Ночь поиска пары?!

Я не верю своим ушам. Как этот варварский обычай может помочь мне? Как?!

— Если на тебе уже будет другая метка, даже он не сможет ничего сделать. Лара, это единственное, что сможет защитить тебя от него. Единственное. Ты понимаешь?

— Да... но... Мэдс, послушай себя. Ты сейчас предлагаешь мне пойти на Ночь. Получить метку какого-то незнакомца. Который, на минуточку, может оказаться ещё хуже этого уroda и...

— Не незнакомца, — он мягко перебивает меня. — Я могу поставить её.

— А? Что? — я растерянно хлопаю глазами. — В смысле ты?

— Я придумал, как обойти правила. Тебе ничто не будет угрожать. Вообще никакого риска. Именно я поставлю её, а не кто-то другой. А потом... — он делает паузу, его взгляд становится твёрдым. — Не переживай. Она ничего не будет значить. Я не буду тебя ни к чему принуждать. Ты же меня знаешь. Она просто будет твоим щитом. С ней ты будешь в абсолютной безопасности.

Безопасность. От этого слова перехватывает дух. Это всё, о чём я только могу мечтать. К тому же в его словах есть логика. Чудовищная, но она есть. Его метка решила бы проблему.

И с Мэдсом хорошо. Он заботливый, он то самое крепкое плечо, о котором все мечтают. Надёжный друг. И если он придумал, как обойти эти замшелые правила, что пара выбирается по запаху, то...

Но он же всего лишь друг. Я не воспринимаю его как парня. А метка... Она будет пробуждать инстинкты, требовать подчинения, принятия своей пары. Неужели и перед ним моя волчица будет так же унижительно растекаться, как делала это перед тем ублюдком? Господи!

Я не хочу больше никаких меток! Никогда!

А если он прав? Если Гримшоу и в самом деле настолько безумен, что захочет заклеить меня снова? Тогда только чужая метка сможет остановить его. Даже ему не под силу пойти против законов природы.

Но я не хочу, чтобы кто-то имел надо мной такую власть!

Даже Мэдс.

— Угадал. Мне этот вариант совсем не нравится. Он не подходит, — наконец я выношу свой вердикт.

— Я прекрасно понимаю, чего ты боишься, — сочувственно говорит Мэдс. — Но моя метка тебя ни к чему не обяжет. Я сразу напишу разрешение на её удаление. Ты сможешь избавиться от неё в любой момент, как только убедишься, что опасность миновала. Когда он поймёт, что ты чужая пара, и отстанет. Я просто хочу помочь, Лара.

Его слова звучат так соблазнительно. Как тихая гавань в крошечном шторме.

— Ладно. Мне нужно подумать, — спустя некоторое время нехотя соглашаюсь я.

Может, и правда стоит рассмотреть этот вариант? Просто поразмышлять о нём. Ничего более. Никто же не заставляет меня принимать решение прямо сейчас.

— Лара, мне очень жаль, но...

— Ну что ещё?! — Эти его «но» выводят меня из себя.

— Времени на это совсем нет.

— В смысле?

— До ближайшей Ночи меньше недели. А потом, сама знаешь, ждать ещё год. Это слишком долго, и неизвестно, как всё повернётся. Решать нужно сейчас. Иначе мы упустим единственный шанс спасти тебя.

Глава 2

Лес ночью прекрасен. Наполнен волнующими шорохами, глухим уханьем сов, хрустом веток под лапами. Залит лунным светом, что пробивается сквозь густой полог крон, рисуя на земле причудливые серебристые узоры. Пропитан запахами влажной листвы, хвои и диких трав — густой, пьянящий коктейль.

Лес ночью свободен. И этой свободой он щедро делится, раскрывая объятия каждому, кто осмелится в них войти. Здесь ты просто волк, который может бежать, почти не касаясь земли, и ни о чём не думать.

Обернувшись волчицей, я несусь к месту встречи с Мэдсом, наслаждаясь тем, как лапы пружинят по лесному ковру, как напрягаются и играют мускулы.

Ночной ветер, будто ласковые руки матери, треплет шерсть. Его нежные губы целуют влажный нос. Сердце бешено стучит, а в жилах гудит адреналин. Как же здесь хорошо!

Мой разум ясный, лёгкий, острый. Я в своей стихии. Свободная, дикая, пьяная от этой скорости и ночи.

Наконец я выскакиваю на поляну с огромным озером, залитым сверкающим лунным светом. Картина неземной, холодной красоты. Спокойной. Умиротворяющей.

Переходя на шаг, я ступаю по влажной, прохладной тра-

ве, чувствуя, как дрожь пробегает по напряжённым бокам. Сбитое дыхание клубами пара вырывается из пасти, смешиваясь с ночным воздухом. Фуф! Я на месте, на самом краю территории, отведённой для Ночи поиска пары. Сюда никто не сунется, никто меня не учует. Я умчалась прочь, едва всё началось. Мне не нужна никакая пара, лишь фиктивная метка Мэдса.

Его ещё нет, и колющее беспокойство заставляет меня метнуться взглядом в сумрак леса позади. Что могло его задержать? Он, как и я, должен был рвануть сюда сразу, не тратя ни секунды попусту.

Принюхиваюсь и не чувствую ничего, кроме привычных влажных, древесно-землистых запахов леса. Ни одного волка поблизости.

Может, что-то случилось, и мне стоит вернуться, найти его самой? Но...

Если я попадусь на глаза кому-то из участников... Если вдруг кто-то из них сочтёт мой запах привлекательным, тогда ненавистной метки не избежать. Чёрт! Что же делать?

Время идёт, пока я меряю шагами поляну, стараясь справиться с растущим беспокойством. Размеренно дышу. Вот только хвост, словно живущий своей жизнью, нервно мечется из стороны в сторону, сметая холодную росу с травы.

Внезапно чую новый запах, принесённый слабым ветерком: к поляне кто-то приближается. Я поворачиваю морду к лесу...

... это не Мэдс!

Вот чёрт!

Застыв как вкопанная, я судорожно втягиваю воздух трепещущими ноздрями, пытаюсь опознать чужака.

Вдруг сердце пропускает удар, шерсть на холке встаёт дыбом, и из глотки вырывается низкий рык. Разум отказывается верить тому, что учуял нос. Не может этого быть! Кажется, я уже схожу с ума от страха, вот мне и мерещится.

Пятьдесят семь дней, у меня ещё есть пятьдесят семь дней, ещё...

На поляну выскакивает огромный волк. Его антрацитово-чёрная шерсть поглощает лунный свет, буквально сжигает его до капли, делая силуэт зловещим и нереальным. Он воплощение самой ночи и всего жуткого, что может в ней случиться.

Надо бежать, но моё тело сковано ледяным панцирем ужаса. Лишь голова слабо мотается из стороны в сторону, отрицая очевидное.

Каждое его издевательски медленное движение подчёркивает скрытую в нём мощь, а его глаза, жёлтые, пылающие во тьме точки, впиваются в меня, парализуя волю, не давая сдвинуться с места.

Нет, нет, нет!

Только не он!

Кто угодно, только не он!

Он же ещё в тюрьме... Должен там быть!

Я мотаю головой всё сильнее, пытаюсь развеять жуткий морок. Но он не исчезает.

Слышу чужое тяжёлое дыхание, обоняю густой, отвратительно знакомый запах. Всей шкурой, каждым вздыбившимся волоском чувствую его подавляющую ауру, и перед глазами, наслаиваясь на реальность, вспыхивают кошмарные картинки из прошлого.

Хочу закричать, чтобы мой вопль разорвал липкую плёнку окутавшего меня ужаса, но из горла вырывается лишь жалкий, прерывистый скулёж.

Чувствую себя загнанным к краю обрыва зверем. Ещё шаг — и я упаду в бездну. На острые камни, что вспорют мои внутренности, требуя кровавого жертвоприношения.

Волчица внутри меня сжимается в комок и скулит, ожидая неминуемой расплаты за то, что посмела разозлить хищника.

Разум кричит: Беги! — но тело оцепенело стоит на месте, лапы предательски дрожат, и я не могу... не могу отвести взгляда от его пылающих жёлтым огнём глаз.

Отчаянно принохиваюсь, пытаюсь уловить хоть крупицу надежды, и обречённо скулю от разочарования. Кроме него, никого.

Где же Мэдс?! Что делать?

Как этот ублюдок здесь оказался?! На Ночи. На этой поляне. Он же должен быть в тюрьме! Его не могли так рано выпустить! Не могли...

Бежать! Бежать!

Стиснув зубы, трясясь всем телом, я с трудом преодолеваю оцепенение и делаю крошечный шаг назад.

Бесполезно.

Мощные лапы антрацитово-чёрного волка, неслышно ступая по траве, тут же снова сокращают дистанцию. Он надвигается как лавина, и я непроизвольно поджимаю хвост, демонстрируя свою покорность, будто на мне всё ещё его метка. Проклятое тело, ведомое инстинктами, так быстро сдаётся под его напором, и волчица... волчица требует ползти к нему и вымаливать прощение. Я отчаянно борюсь с ней, но... Его яростная, подавляющая аура так сильна, что кажется, я вот-вот потеряю над собой все остатки контроля.

Мэдс, где же ты?!

Ублюдок принюхивается. Из его пасти вырывается низкий, довольный рык, и этот звук, пропитанный уверенностью победившего хищника, неожиданно что-то переключает в моей голове, вырывая из ступора. Заставив свою волчицу заткнуться, я преодолеваю парализующий меня ужас и срываюсь с места.

Не разбирая дороги, я несусь в самую чашу, в чёрную пасть леса, желая только одного: оказаться как можно дальше от него. На другой планете, в небытии, где угодно, только не здесь!

Всё повторяется. Кошмар трёхлетней давности дышит мне в спину той же ледяной безысходностью.

Нужно бежать быстрее, чтобы оторваться от него.

В этот раз я смогу!

Деревья мелькают размытыми чёрно-зелёными пятнами.

Колючие ветки хлещут по бокам. Запах хвои и влажной земли забивается в ноздри. Перепрыгивая через валуны, поросшие мхом, я пролетаю над тёмными провалами оврагов.

Кровь стучит в висках оглушительным барабанным боем. В лёгких пылает огонь, и каждый выдох прорывается резким хрипом.

Слышу тяжёлое, хриплое дыхание прямо за спиной и громоподобные удары лап по земле. Ровные, как мерный стук земли по крышке гроба.

И вдруг...

Оглушающая, абсолютная тишина.

Нет хрипов его дыхания. Исчез грохот тяжёлых лап. Слышен только лёгкий шёпот хвои и бешеный стук моего собственного сердца.

Оторвалась? Неужели получилось?! Неужели...

Я тут же гашу вспыхнувшую в груди опасную надежду.

Нет. Нет. Нет. Расслабляться рано. Сначала мне нужно покинуть этот чёртов лес. Только тогда я смогу облегчённо выдохнуть. Только тогда.

А пока...

Не останавливаться! Бежать!

Он возникает из ниоткуда. Словно материализуется из самого ночного мрака. Чёрная громада, что перерезает мне

путь, и я по инерции врезаюсь в него, как в скалу. Боль, острая и яркая, взрывается в голове.

Да твою ж мать!

Скуля от боли, я мотаю головой, пытаюсь очистить сознание от звона и тумана.

А он надвигается. Огромный. Подавляющий. Его фигура затмевает мир, и нет теперь ничего, кроме двух горящих жёлтых точек в крошечной тьме его силуэта.

С отчаянным рывком я разворачиваюсь, чтобы рвануть прочь. Но не успевают мои лапы оттолкнуться от земли, как его тяжёлое тело обрушивается на меня сверху, вдавливая в холодную мокрую траву, выбивая весь воздух из лёгких, и тут же острые клыки, будто раскалённые ножи, впиваются в загривок, оставляя под шерстью жгучую метку парности. Тело взрывается адским пламенем. Я выгибаюсь и вою от всепоглощающей боли, отчаяния и горького осознания: кошмар не просто вернулся — он стал единственной реальностью.

Когда его железная хватка наконец ослабевает, я дёргаюсь, пытаюсь вырваться из-под его туши, и он тут же грозно рычит, обжигая меня жаром своего дыхания. Внутри всё сжимается в ледяной комок страха, шерсть встаёт дыбом. Тело предательски обмякает, покорно припадая к земле. Я жалобно скулю, и в этом звуке... и мольба о помиловании, и проклятие в адрес собственной слабости.

С удовлетворённым рыком он медленно слезает с меня, и я могу сделать короткий, судорожный вдох. Но свобода ока-

зывается мимолётной. С глухим стуком он заваливается рядом, и его тяжеленная лапа могильной плитой падает мне на спину. Не могу нормально вдохнуть. Чувство, будто меня заживо погребли под тоннами земли.

Постепенно его дыхание становится глубже. Измотанный погоней и нанесением метки, что отнимает уйму сил, он погружается в расслабленный сон. Так спят те, кто знает, что добыча поймана, помечена и теперь принадлежит им безраздельно.

Чуть дыша, боясь пошевелиться, я молюсь только об одном: чтобы он не проснулся, чтобы кошмар прошлого не повторился. В тот раз я лишь скулила, жалела себя и надеялась на его раскаяние, когда он придёт в себя. На что я вообще рассчитывала? Больше никаких иллюзий. Никаких ошибок.

Я сбегу!

Найду того, кто сведёт это проклятое клеймо. Надо только как-то попасть в Подземный город, где занимаются всем незаконным. Но как?..

Мэдс!

Да, Мэдс мне поможет. Он обязательно что-нибудь придумает. Обязательно.

Вот только договор, что я подписала перед Ночью... Как быть с ним?..

К чёрту! К чёрту и его, и отказ от претензий! К чёрту, что поставленная на Ночи метка нерушима! Мой случай особый. Главное сейчас — выжечь эту мерзость, пусть даже калёным

железом, вытравить её из моей плоти. Из памяти.

Всё получится, надо только...

Грёбаная метка!

Она вопит в каждой жилке, в самом нутре, требует прижаться к горячему боку ублюдка, зарыться мордой в его шерсть, быть рядом. Именно поэтому я их так ненавижу! Они превращают нас в рабынь, в жалких тварей, жаждущих ошейника и поводка.

Мэдс же всё так красиво придумал и распланировал... Что же пошло не так?

Я прислушиваюсь к ровному дыханию спящего монстра и слабо шевелюсь, проверяя его реакцию. Сердце колотится где-то в горле, пока я жду. Секунда. Две. Ничего. Спит без задних лап после того, как поставил метку. Это мой шанс! И я его не упущу.

Затаив дыхание, я осторожно начинаю выбираться из-под его тяжелой лапы. Она скользит по моей спине мучительно медленно, заставляя ежесекундно замирать от страха, — вдруг он проснётся? — и когда она наконец с оглушительным грохотом падает на землю, я вздрагиваю, на несколько мгновений забывая, как дышать.

Фуф! Я облегчённо выдыхаю, когда ничего не происходит, и откатываюсь в сторону, не сводя глаз с громадной спящей туши.

Тут же накатывает давящее, всепоглощающее одиночество. Пустота, которая разрывает изнутри. Я отчаянно трясусь

головой. Это не я. Это всё она. Метка. Её гнилая, навязчивая воля. Дьявол её раздери!

Но я сильнее неё. Я. Сильнее!

Встав, я начинаю тихо отступать. Подушечки лап ощущают каждую травинку, каждый острый камушек на земле.

Пять шагов.

Десять.

Я пячусь, не сводя взгляда с мощной чёрной туши, распластавшейся на земле. Каждый мой нерв напряжён до предела в тягостном ожидании: вот-вот он откроет глаза и тогда...

Моя волчица бьётся в мучительной агонии. Дёргается на поводке, умоляет, требует вернуться к своей паре.

Чёрта с два! Дай ей волю, и она будет вилять хвостом, скуля от блаженства у лап этого ублюдка. Её не волнует, что я этого не хочу! Ею правят инстинкты и ядовитый шёпот метки.

Резко развернувшись, стремительной стрелой я врезаюсь в лесную чащу.

Нужно добраться до машины. До дома.

Нет! Первым делом — найти Мэдса. Он поможет, защитит меня. Но где он, чёрт возьми?! Почему он не появился на поляне?

Искать его самой в этом огромном лесу? Чистое безумие.

Нет. Сначала нужно убраться как можно дальше от того, кто снова... Снова! Какого чёрта?! Посмел пометить меня.

Какого хрена, Мэдс? Ярость комом подкатывает к горлу. Почему всё полетело в бездну?! Ты же всё продумал. Ты обещал, что мне ничего не грозит!

Бежать. Бежать быстрее. Нужно как можно скорее вырваться из этой ловушки.

А потом... Потом я просто сведу метку. Выжгу её дотла. И всё вернётся на круги своя.

Да, именно так. Так всё и будет.

И я забуду это как страшный сон.

Наконец я выскакиваю на опушку и замираю в тени деревьев, сканируя взглядом парковку и окружающие её молчаливые одноэтажные домики, отведённые для оборота девушек. Для мужчин выделено другое место, чтобы избежать любых контактов до начала Ночи.

Ни души. Похоже, все ещё отсыпаются в лесу. Я выдыхаю с облегчением и быстро забегаяю в домик, где оставила одежду. Времени нет. Мне нельзя здесь оставаться. Ни секунды.

Пока я возвращаюсь в человеческий облик, по телу разливается привычная, выворачивающая нутро боль, вечный спутник оборота. Кости встают на свои места с тихим хрустом, кожа горит огнём. Я натягиваю на ещё покалывающие иголками ноги джинсы, ныряю с головой в тёмную, просторную толстовку и накидываю капюшон — мой спасительный кокон. Под ним никто не увидит метку на моём загривке. Никто даже не подумает, что что-то не так.

Отодвинув занавеску, я выглядываю в окно: всё ещё ни-

кого, путь свободен. Суетливо озираясь по сторонам, я покидаю домик и, пригибая голову, бегу до машины. Запрыгнув внутрь, захлопываю дверь и чертыхаюсь. Слишком громко! Мотор моей старушки заводится с надрывным рёвом, и я снова матерюсь.

Вырулив с парковки, выезжаю на грунтовую дорогу и через несколько минут передо мной вырастает шлагбаум. Из будки неспешной походкой выходит охранник.

Чёрт!

Пальцы впиваются в потёртый кожаный руль, во рту пересыхает, а сердце колотится где-то в висках.

А если он спросит, где моя пара? Что мне ему ответить? А если он не выпустит меня, пока не увидит его?

Господи, только бы не спрашивал, только бы...

Просто подними шлагбаум. Просто подними его, - мысленно молю я, не сводя с охранника затравленного взгляда. Внутри всё кричит: просто подними этот грёбанный шлагбаум!

По спине стекает липкий, холодный пот.

— Не повезло, да? — его сочувственный голос звучит как приговор.

Мне конец. Горло сжато тисками, я не могу издать ни звука. Лишь загнанно смотрю на него.

— Ну, может, в следующем году? — продолжает он, а я лишь бессмысленно хлопаю глазами. — Не всем везёт найти пару с первого раза, некоторые и по несколько лет подряд

приезжают. Я тут много таких видел. Так что не переживай ты так. Всё ещё получится.

Мозг отказывается воспринимать то, что он говорит. Я лишь заторможенно киваю в ответ, не в силах выдать ни слова.

Наконец шлагбаум медленно ползёт вверх, открывая путь к свободе.

Я вдавливаю педаль газа в пол, и машина с оглушительным рёвом срывается с места, поднимая вихрь пыли.

Не сбавляя скорости, я мчусь по грунтовой дороге, пока силуэт проклятого места не растворяется в зеркале заднего вида.

Выехав на автомагистраль, хватаю телефон и набираю Мэдса.

— Где ты был?! — кричу в трубку, когда он наконец отвечает. Голос срывается и предательски дрожит. — Г-где?! Ты... Ты же обещал!

Я зло бью ладонью по рулю и шиплю, когда резкая боль отдаёт в запястье. Меня трясёт от ярости, возмущения и жгучей обиды, отдающей горечью во рту. Он обещал защитить меня! Обещал! Но его не было рядом, когда он был нужнее всего. Как он мог?!

— Где. Ты. Был?!

— Лара, я... Прости, — его голос звучит приглушённо, странно. — На меня напали, вырубил. А потом я... Я тебя искал... И на поляне был, и весь лес перерыл, но не нашёл.

Я с ума сходил. Где ты? Что случилось? Ты в порядке? — он сыплет вопросами, в его голосе сквозит неподдельное беспокойство.

— Зато он нашёл! — выкрикиваю я и меня прорывает: жгучие слёзы тут же размывают дорогу перед глазами. — Нашёл. Он. Понимаешь?

— Кто? Гримшоу?! — повисает пауза. — Этого не может быть! Лара, это попросту невозможно!

— Твою мать, Мэдс! Думаешь, я бы стала врать или шутить таким?! Это ублюдок был там! — я почти задыхаюсь. — И он снова поставил мне метку! Метку! Ты понимаешь, чем мне это грозит?! Понимаешь?! Господи! Что мне делать, Мэдс? — мой голос срывается на жалобный всхлип.

— Так, не паникуй, — он говорит настолько спокойно, что меня корёжит от этого ещё сильнее. Как он может быть таким спокойным, когда моя жизнь летит в бездну?! — Где ты, Лара?

— Я?.. Я где-то на трассе. Мэдс, её надо удалить! Как можно быстрее!

— Но, Лара, договор...

— К чёрту договор! Это обман! Мэдс, я же знаю, что такие вещи делаются подпольно. Сначала нужно свести её, а с договором я разберусь потом! Нельзя, чтобы эта мерзость оставалась на мне! Нужно просто найти кого-то. Понимаешь? Ты же мне поможешь, Мэдс?

— Хорошо, хорошо. Конечно, Лара. Успокойся. Ты мо-

жешь быть уверена во мне. Не волнуйся. Давай... давай встретимся на заброшенной пристани, ну, ты знаешь её. Жди меня там. Никуда не уезжай, жди там. Я приеду. Мне только надо немного прийти в себя. В голове ещё шумит после удара.

Вот чёрт! Чёрт! Я же и Мэдса в это втянула. Он пострадал из-за меня. Снова бью ладонью по рулю и шиплю от боли.

— Прости, я... я совсем не подумала о тебе. Ты сильно пострадал?

— Не бери в голову. Мы всё решим. Я не дам тебя в обиду этому ублюдку. Главное — дождись меня. Поняла? Обязательно дождись.

— Да, Мэдс. Я поняла. Я дождусь. Я буду там.

Можно подумать, у меня есть какие-то другие варианты. Он моя единственная надежда.

Глава 3

Прошло уже больше часа, как я торчу на заброшенной пристани к северу от Сиэтла, а Мэдса всё нет. За это время я, кажется, успела изучить каждую трещинку в разбитом асфальте, каждую упрямую травинку, пробивающуюся сквозь него. Пересчитала все покрытые склизкими водорослями опоры пирса. Не счесть, сколько раз прошлась вдоль ржавого ограждения туда и обратно.

Ёрзая на капоте машины, я кручу в руках телефон, каждую минуту впиваясь взглядом в экран, считая драгоценные мгновения. Секунды неумолимо утекают, отстукивая в висках тяжёлый, навязчивый ритм. Им вторят пронзительные крики чаек, так похожие на злое карканье воронов, предвещающих беду, и глухой, неустанный шум волн, бьющихся о бетонные сваи.

С каждой прошедшей минутой я чувствую, как метка всё сильнее вгрызается в мою плоть. Словно живая, она пульсирует под кожей, яростно сопротивляясь моему нестерпимому желанию избавиться от неё, будто чувствует свою скорую гибель.

Я раздираю её до крови, отчаянно жажду выдрать, стереть, уничтожить это отвратительное клеймо.

Ну почему же так долго? Неужели Мэдс не понимает, какая это адская пытка — вот так сидеть и ждать? Надо набрать

его ещё раз. Да, я уже звонила ему трижды, и он отвечал, что выехал, что скоро будет. Умолял дождаться. Но...

Не успеваю я нажать на вызов, как на пристань с глухим рёвом заезжает огромный, полностью тонированный внедорожник. Я резко вскакиваю с капота. Это не Мэдс, у него скромный седан. А такие монстры на колёсах — удел обеспеченных оборотней из Старых семей, в них удобно оборачиваться в случае чего. Не то что в моей малышке, где я себе уже не раз башку отбивала.

И пока я, как идиотка, в оцепенении пялюсь на незнакомую машину, она останавливается. Её задняя дверь открывается с лёгким щелчком, и из неё выходит он.

Твою. Мать!

Огромный, почти под два метра ростом. Весь в чёрном. Узкие джинсы обтягивают длинные мускулистые ноги. Под распахнутой на груди кожанкой футболка, плотно обтягивающая рельефные мышцы.

Смоляные волосы, выбритые по вискам, собраны в высокий хвост на затылке. Резкие, жёсткие линии скул и подбородка. Но всё это меркнет на фоне глаз... его глаз.

Пронзительные. Чёрные. Горящие яростью.

От них по спине бегут ледяные мурашки, а внутри всё сжимается в один сплошной комок страха, порождая нестерпимое желание заскулить и спрятаться, пока этот взгляд не прожёт тебя насквозь, не обратил в пепел.

И запах... Тяжёлый, быющий в ноздри. Отвратительный,

сводящий с ума коктейль из мха, хвои кедра и морской соли, от которого кружится голова и подкашиваются ноги.

Деклан Гримшоу!

Кошмар, что три года преследовал меня по ночам.

А теперь... теперь он медленно, с убийственной уверенностью и грацией хищника, знающего, что добыче не уйти, идёт ко мне.

Вот дерьмо!

Я наконец отмираю и, спрыгнув с капота, бегу к водительской двери. Запрыгиваю в салон и... больше ничего не успеваю сделать. Огромная лапища выдёргивает меня обратно, и дверь с оглушительным грохотом захлопывается, вынуждая меня вздрогнуть.

Массивная туша, на фоне которой я чувствую себя букашкой, с размаху вдавливают меня в бок машины. Телефон выскальзывает из рук, падает и с глухим стуком разбивается об асфальт.

— Не набегалась ещё? — горячее дыхание нависающего надо мной ублюдка обжигает лицо. — Тебя заводят такие игры? — его низкий, гортанный рык отдаётся вибрацией по моему телу.

Как пойманная в силки птица, я дёргаюсь, пытаюсь вырваться. Бесполезно. Кажется, его мускулы не напрягаются даже ни на йоту, пока я бьюсь изо всех сил.

— Где Мэдс?! — гневно выкрикиваю я. — Что ты с ним сделал?!

Этот ублюдок явно угрожал ему, чтобы узнать, где я, или даже...

— Это не тот вопрос, что тебе стоит задавать после трёх лет. Тебе так не кажется? — с холодной, звенящей яростью спрашивает он, стискивая мои плечи так сильно, что я взвизгиваю от боли.

— Где Мэдс?! — отчаянно повторяю я.

— Ещё раз про него спросишь, и я его выпотрошу. А его кишки принесу тебе на блюде. Как тебе такой вариант?

Его угроза удавкой стягивает моё горло, перехватывая дыхание. С губ срывается сиплый шёпот:

— Что?!.. Ты не сделаешь этого!

— Думаешь? Хочешь проверить?

Его губы растягиваются в омерзительной ухмылке, и я с леденящей душу ясностью понимаю — сделает. Запросто. Мэдс против него никто. Мы с ним оба всего лишь пришлые. Бесправная грязь под ногами таких, как Гримшоу.

— Пошли, — болезненно впиваясь в мою руку, он дёргает меня и тащит за собой.

Да чёрта с два!

Я упираюсь ногами в растрескавшийся асфальт старой пристани, но скольжу по нему, как по льду. Ублюдок недовольно рычит, одним движением отрывает меня от земли и перекидывает через плечо. Мир кувыркается.

Спустя пару мгновений я падаю на холодную кожу заднего сиденья внедорожника и отползаю назад, судорожно шаря за

спиной в поисках ручки на противоположной двери, но она как сквозь землю провалилась.

Гримшоу садится следом, заполняя собой всё пространство. Воздух тут же становится густым, тяжёлым. Мне нечем дышать. Словно он выжрал весь кислород одним своим присутствием.

С лёгким шипением между водителем и салоном поднимается тёмная перегородка, словно отсекая последний шанс на спасение. Машина с низким, утробным гулом срывается с места, и я чувствую, как тело немеет, а кожа покрывается мурашками. Я в западне.

— Думала, я тебя не найду? — кривя губы в презрительной усмешке, он резко хватает меня за лодыжку и рывком усаживает к себе на колени. — Серьёзно?

Оказавшись на нём, прижатая боком к его каменной груди, я испуганно дёргаюсь и тут же ощущаю его возбуждение, до предела натянувшее ткань джинсов. Метку мгновенно пронзает жаром, и по телу разливается мучительное желание прижаться к своей паре ближе, раствориться в нём.

— Я скучал, — еле слышно шепчет он, лаская дыханием мою шею. — А ты скучала, моя волчица?

— Нет!

Он фыркает и утыкается носом мне в шею, рядом с меткой. Шумно, с наслаждением вдыхает мой запах, и из его груди вырывается низкое, удовлетворённое урчание. А внутри меня всё переворачивается и рвётся на части от отвраще-

ния и... упоительного огня, что вспыхивает в ответ, стоит ему только прикоснуться ко мне. Моя волчица ликует — она нужна своей паре!

Ненавижу!

Ненавижу его.

Ненавижу своё грёбаное тело, что предательски плавится в его тисках.

— Ты пахнешь как моя сучка, — от его уничижительных слов я вздрагиваю.

— Я не... — слова протеста застревают в горле, когда его горячий влажный язык скользит по метке.

Жгучее желание пронзает позвоночник и пылающей волной стекает вниз живота. Я выгибаю шею, подставляя ему нежную кожу. С каждым его ласковым касанием по жилам растекается лава, выжигая волю.

— Ты всегда была ею.

Я впиваюсь пальцами в его руку, лежащую на моей талии. Внутри колотится навязчивый страх волчицы: вот сейчас он опомнится, спихнёт меня с колен, и этот мучительно-сладостный миг закончится.

Нет! Только не останавливайся!

Он удовлетворённо хмыкает, будто слышит мои мысли, и я тут же вскрикиваю, когда нежные прикосновения резко сменяет острая боль — он впивается зубами в метку! Меня захлёстывает жгучая обида, и я резко отшатываюсь от него. Он использовал мою слабость!

— Не рыпайся. Раздражает. Будь покорной и послушной самкой, тогда мы поладим. Может, я даже сделаю тебе некоторую поблажку.

— Обойдётся! — выдыхаю я, с трудом преодолевая чуждый импульс согласиться, распластаться, отдаться. — Катись к чёрту!

— Ты уверена?

Его ладонь ложится на моё бедро и медленно ползёт вверх. Кажется, что на мне совсем нет одежды, и по голой коже скользит раскалённый клинок, от чего моя плоть шипит и плавится.

Поднявшись выше, рука ублюдка бесцеремонно ныряет между моих бёдер, и моё дурное тело со стоном выгибается ему навстречу. Из глаз брызжут горячие, злые слёзы.

Проклятая метка!

Это из-за неё внутри меня разгорается этот ненавистный пожар, и я с ужасом понимаю: утолить его может только одно.

Но я не хочу! Это так унижительно... Отвратительно! Невыносимо! И... Господи, как горячо!

— А-ах!

Бёдра сами собой сжимают его руку, усиливая давление, жажда большего. Прямо здесь. Сейчас. Всё равно перегородка между нами и водителем поднята. Никто не увидит, никто не узнает о моём позоре.

Всего разок. Один-единственный, а потом... Потом, когда

этот невыносимый жар утихнет, и я снова смогу думать...

— Да-а... — с губ срывается постыдный, предательский стон, но мне уже плевать. Только не останавливайся!

Ублюдок самодовольно хмыкает и тут же убирает руку.

Из моей груди вырывается стон, полный острой досады, и вслед за ним ужасающее осознание того, на что я только что была готова, пронзает меня насквозь. Твою мать!

— Отпусти меня! — стискивая зубы, шиплю я, пытаюсь вырваться из его хватки.

— Зачем? — его голос полон издёвки. — Неужели у тебя были какие-то другие планы на сегодняшний вечер? Ты забываешь, что отныне твоя единственная задача: быть послушной и делать всё, что я тебе скажу.

— Чёрта с два! Эта грёбаная метка ещё не делает меня твоей вещью!

— Мне нравится, как ты верно подбираешь слова. Да, именно вещь. Моей собственностью. С которой я могу делать всё, что захочу.

— Только попробуй! — возмущённо вскрикиваю я и тут же прикусываю губу, чтобы не выдать дрожь, что вызывают во мне его слова. Он прав, из-за метки я теперь полностью в его власти.

— Пришлые совершенно не умеют воспитывать сучек. Но это же дело поправимое. Правда? — его тихий, обволакивающий голос сочится сладкой патокой, под которой — яд.

Стискивая кулаки, я отвожу взгляд. Внутри всё сжимается

от страха, но я не позволю ему увидеть это.

Он касается метки. Кончики его пальцев еле ощутимо скользят по коже, заставляя замереть в тревожном ожидании.

— Я ждал этого три года. Каждый день в камере я смаковал этот миг. Как догоню тебя снова. Как поставлю свою метку. И в этот раз ты ничего не сможешь сделать. А потом я начну тебя ломать. Наказывать. Дрессировать, — его голос наполняется одержимым воодушевлением, от которого у меня стынет кровь.

Я зажмуриваюсь, но его слова настойчиво пробираются в сознание, болезненно жалят.

— За каждый день. За каждую ночь. Пока ты полностью не покоришься моей воле. Пока не будешь ползать передо мной на коленях, умоляя о прощении.

Задыхаясь, я тону в ледяном ужасе. Судорожно пытаюсь вдохнуть, но воздух будто исчез, оставив лишь колючую пустоту.

— Бежать больше некуда. Все пути отрезаны. Ты моя. Смирись.

Оцепенев, я сижу на его коленях, больше не пытаюсь вырваться. В голове туман. И лишь в висках, как набат, стучат его слова.

Внезапно машина останавливается, и хватка у блюodka ослабевает. Тряпичной куклой я сползаю с его колен и вываливаюсь на улицу, вцепляясь в холодный металл двери,

чтобы не упасть. Тело бьёт крупная дрожь. Из груди рвётся крик, но застревает в горле, превращаясь в жалкий, униженный хрип.

Его слова — о дрессировке, о полном подчинении — леденят душу, но...

Разве не этого я ждала всё это время?

Разве не его безжалостная месть виделась мне единственной возможной реальностью?

Просто сегодня он наконец огласил давным-давно вынесенный приговор.

Не успеваю прийти в себя, как он хватает меня за руку и тащит за собой по небольшой частной пристани. Я с трудом переставляю ватные ноги. Спотыкаюсь. Падаю. Сбив колени в кровь, глотаю горький всхлип.

Не дав опомниться, он рывком поднимает меня, а потом, словно вещь, закидывает на плечо и вскоре опускает на палубу покачивающегося катера.

Всю дорогу, пока мы рассекаем прохладные воды залива Пьюджет-Саунд, он прижимает меня спиной к себе. В очередной раз я внутренне содрогаюсь от понимания, что он не просто огромный волк, но и человек тоже. Мне придётся задирать голову, чтобы просто посмотреть на него. А он... Он же просто одним щелчком прихлопнет меня как назойливую мошку, если захочет. И даже не заметит.

Дёргаться бессмысленно. Всё теперь бессмысленно.

Его тяжёлая ладонь по-хозяйски лежит на моём животе и

от неё исходит такой жар, что, кажется, как только он уберёт руку, на толстовке останется оплавленная дыра.

Этот проклятый огонь проникает под кожу, впивается во внутренности, опускается вниз живота... и я впервые в жизни с унижительной ясностью понимаю, что значит «течь как сучка».

Вот же гадость!

Он тоже возбуждён, я чувствую это поясницей. Я ёрзаю, пытаюсь высвободиться из капкана его рук, но он только сильнее прижимает меня к себе.

— Твоей волчице так не терпится? — с издёвкой спрашивает он, касаясь горячим дыханием моей макушки, и я замираю, стараясь даже не дышать.

Наконец впереди показывается Шэдоу-крик — большой, мрачный остров, покрытый густым вековым лесом. Могучие деревья спускаются к самой воде, словно пришли помочить корни в заливе. А узкий язык пирса жадно лакает воду.

Мой новый... не дом. Тюрьма.

Катер гулко стучит о пирс, когда мы причаливаем. Легко, несмотря на свои габариты, ублюдок перепрыгивает на деревянный настил, а затем резко, не успеваю я и охнуть, сгребает меня и через мгновение ставит подле себя.

Колени подгибаются. Хочется просто упасть, вцепиться ногтями в доски пирса, лишь бы только остаться здесь, не идти добровольно в клетку. Но я до тошноты ясно понимаю: бесполезно. Поздно.

Собственнически прижимая к себе, он ведёт меня по пирсу, пока тот не упирается в крутой подъём с вбитыми в землю массивными, похожими на шпалы, деревянными ступенями.

Каждая ступенька даётся с трудом. Я словно поднимаюсь в пасть древнего ненасытного чудовища, готового сожрать меня. А в голове обрывки воспоминаний трёхлетней давности: то мерзкое утро после оборота... Я столько сил потратила, чтобы выжечь его из памяти... И всё напрасно! Я опять в его лапах.

Но теперь без единого шанса на спасение. Моя жалкая попытка сбежать с Ночи, как и надежда избавиться от метки, с самого начала были обречены. Всё было кончено в тот миг, когда я подписала договор и отказ от претензий.

Я же знала, на что иду. Мне казалось, что знала. Должна была знать! Какая же я дура! Идиотка! Почему я так слепо доверилась Мэдсу? Да, он твердил, что это единственный безопасный выход, но... Как можно было быть такой наивной?!

В мире, где есть Деклан Гримшоу, для меня нет ни безопасности, ни выхода. Только цепи. Только принуждение.

И теперь этот ублюдок моя пара. На мне его метка. Снова. И я прекрасно знаю, что меня ждёт впереди. Это естественно для пар. И плевать, что я не хочу! Что для меня это насилие. Теперь я его пара.

Его. Пара.

Всё.

Да почему я-то?! Почему он не выбрал кого-нибудь другого? Ту же Кейт, что с радостью раздвинула бы перед ним ноги? Она ведь тоже была на том проклятом матче. Он мог бы взять её! И она бы только пищала от восторга. А меня... тошнит.

Не хочу! Не. Хочу.

Не могу.

Но он не оставляет мне альтернативы. И метка не оставляет. Каждое его прикосновение вспыхивает бурей инстинктивного желания отдаться ему.

И ведь это... уже не будет насилием?

Ведь моё тело не против.

Совсем не против.

Да.

Именно так.

Может, это и к лучшему, что на мне его метка. Так проще, так... правильно. Нужно просто перестать думать. Перестать сопротивляться... Так проще...

Крутой подъём выводит нас на просторную поляну, подёрнутую редким туманом. На противоположной её стороне громоздится современный, похожий на куб дом с плоской крышей и стеклянными стенами. Он совсем не похож на зловещий готический замок, но от него всё равно веет жутью. Словно здесь обитает первобытное зло, лишь прикинувшееся стеклом и бетоном.

Дверь нам открывает женщина лет пятидесяти. Она с

улыбкой приветствует его, а в меня впивается пристальным взглядом: в нём читается уже привычное за эти годы презрение, щедро сдобренное настороженностью и брезгливостью.

Конечно, она знает, кто я. Не может не знать. Весь Сиэтл с жадным любопытством наблюдал за моим позором, когда я доказывала, что не виновата, что метка была поставлена против моей воли. И да, я упекла их «драгоценного мальчика» за решётку.

— Можешь быть свободна, Пэм. Дальше мы сами. Обо мне теперь есть кому позаботиться.

Я с удивлением замечаю, как меняется его голос, когда он обращается к ней. Он становится... человечным? Мягким. Меня от этого мутит. Словно она заслуживает нормального обращения, а я нет.

Женщина скептически оглядывает меня:

— Не боишься с несварением слечь? Или с чем похуже?

— Теперь у меня есть личная сиделка, — усмехается он. — И лекарство подаст, и дерьмо уберёт, если что. Не переживай, не пропаду.

Уж я бы нашла для него... «лекарство». Такое, чтобы он неделю от унитаза не отходил.

— Как скажешь, — нехотя соглашается она. — Но если понадобится, зови. Ты знаешь, я всегда приду.

— Знаю, Пэм. Иди уже.

Эта женщина мне совершенно не нравится, но её уход... Внутри всё сжимается от обречённости. Мы с улюдком те-

перь остаёмся совсем одни.

Глава 4

Деклан

Как только за Пэм захлопывается дверь, я тащу сучку наверх, игнорируя её жалкие поскуливания. Наконец-то я могу не сдерживаться и получить своё.

Хочу её до тёмных пятен в глазах, до хруста в костях. Дрянь так сильно задолжала мне, и она оплатит за каждую секунду, проведённую в той долбаной клетке.

Она пытается вырваться, и во мне мгновенно вспыхивает ярость. С рыком я сжимаю её руку. Она моя пара! Так какого хрена?! От одного моего взгляда она должна покорно течь и умолять, чтобы я трахнул её, сильнее, глубже, жёстче. До тех пор пока не сможет свести вместе ноги.

С размаху толкаю дверь в спальню. Та с грохотом бьётся о стену, и сучка вздрагивает, испуганно охнув.

Бойся меня, дрянь. Бойся! Раз по-хорошему не понимаешь.

Я запихиваю её в комнату, и не успевает она сделать и вдоха, как я сдираю с неё грёбанные тряпки, обнажая мою добычу по пояс. Она остаётся лишь в узких джинсах.

Жадно впиваюсь взглядом в её хрупкое, дрожащее тело.

Она пытается прикрыться руками, но со мной этот номер не прокатит. Перехватываю её тонкие запястья, пульс бьётся в них бешено, как в западне, и завожу их ей за спину, сковывая ладонью. Любуюсь.

Молочная кожа. Выступающие ключицы, будто готовые прорезать кожу. Маленькая, беззащитная грудь с розовыми, твёрдыми от страха и холода сосками. Стискаю их, щипаю, и она всхлипывает, пытаясь отстраниться. Бесит.

Знаю, что никто не касался её всё это время. Если бы она позволила какому-нибудь ублюдку дотронуться до себя хоть пальцем... Она бы жестоко пожалела об этом. Ей повезло, что она была хорошей девочкой. Моей.

Так какого хрена она теперь выделяется?!

Распускаю её дурацкий хвост, и светлые волосы лавиной рассыпаются по хрупким плечам. Накрутив их на кулак, резко запрокидываю её голову, обнажая шею — беззащитную, с неистово бьющейся жилкой. Уткнувшись в неё лицом, втягиваю одуряющий, сводящий с ума запах её кожи: свежесть листвы, соль морского бриза и дурман азалии.

Член становится каменным. Крышу рвёт. Как же я хочу её трахнуть!

Блядь! Три года. Три грёбаных года у меня вставало лишь от одного воспоминания об этом выносящем мозг коктейле. Я дрочил, кончал, но это не приносило ни грамма облегчения.

Так пахнет пара. Моя пара.

Ещё тогда, на том долбаном матче, я понял это и слетел с катушек. Захлестнула одна-единственная мысль: Моя! Я должен обладать ею. Должен пометить. Сделать своей.

Весь матч я пытался убедить себя, что показалось. Сказки. Такого не бывает. Все сучки одинаковые. А нет же. Эта другая. Эта моя!

Там, за решёткой, я мог думать только о ней. То ненави-дел её до трясучки, желая стереть в порошок за то, что посмела меня отвергнуть, а потом и вовсе запретить, как бешеную псину. То сгорал от желания отыметь её так, чтобы она не могла встать, и только лишь хрипела бы моё имя, умоляя не останавливаться.

Грёбаное наваждение. От которого я день за днём зады-хался и медленно сходил с ума.

И этот запах... Он не даёт мне нормально дышать с той самой секунды, как я снова почувял её.

Веду языком по её пьяняще-сладкой коже. Я голоден. До безумия. До дикого желания разорвать её на части и сожрать, чтобы она никогда больше не смела сбегать от меня. Прикусываю зубами пульсирующую жилку на её шее. Только я решаю, жить ей или умереть.

Она тут же откликается, прижимаясь ко мне всем телом. И её протяжный стон отражается во мне пронзительной судорогой. Хорошая девочка. Отзывчивая. Моя.

Отпустив её руки, я дёргаю пояс джинсов и вриваюсь в трусики. Она горячая. Мокрая. Течёт, как сучка. Моя сучка.

Хриплый рык вырывается из груди, а она отвечает рваным выдохом, когда мои пальцы резко входят в неё, раздвигая шёлковые стенки обжигающе горячей плоти.

С трудом оторвавшись от шеи, я жадно всматриваюсь в её лицо. Её взгляд затуманен, зрачки расширены от возбуждения, щёки пылают. Влажный, приоткрытый рот словно зовет завладеть им. Я одержимо впитываю каждую деталь, кричащую о её желании.

Член пульсирует от боли, но я сдерживаюсь. Хочу насладиться каждым сантиметром её тела. Не спеша, слой за слоем, снять обёртки с моей долгожданной добычи. Растянуть удовольствие. Она теперь моя. Вся. Можно не торопиться.

Притянув её к себе, заставляю встать на цыпочки, и впи-ваюсь в податливый рот. Пьянею от её вкуса. Хищно пью её прерывистое дыхание, глотаю сладкие стоны, что отдаются в паху тяжёлым, болезненным эхом.

Толкаю её на кровать. Хрипло выдыхаю, смотря, как она извивается, сбрасывая остатки одежды. Стремительно, без тени стыда. Она так откровенна в своём желании, что мой внутренний волк завывает от восторга. Готов простить её. За всё.

Рывком стянув с себя кожанку, отбрасываю её на пол. Остальной хлам летит вслед. И вот я уже возвышаюсь над ней — сучка жадно ловит ртом воздух. Смотрит на меня пьяным, ошалевшим от похоти взглядом. Юркий язычок обли-зывает припухшие от поцелуев губы. Представляю, как ско-

ро они будут полировать мой член.

Нетерпеливо поскуливая, она впивается в меня ногтями и тянется навстречу. Рыкнув, я накрываю её своим телом, вдавливая в матрас. Моя рука снова между её ног, и пальцы проникают в обжигающе-влажное, требующее меня, пульсирующее лоно.

— А-ах... — срывается с её губ, и она сама, сладострастно изгибаясь, пытается глубже насадиться на меня.

Жадная маленькая лицемерка, строящая из себя не пойми кого.

Терпеть больше нет сил. К чёрту! Резко раздвигаю её стройные ноги и пристраиваюсь к истекающему влагой входу. Ооох! В ней так нестерпимо жарко и тесно, что я боюсь тут же кончить. Как жалкий щенок, что в жизни не пробовал самку.

Останавливаюсь. С шумом выдыхаю. Вновь толкаюсь в неё, заполняя собой до упора.

Снова и снова долблюсь в неё, не давая ей ни единого шанса на передышку, а она неустанно отзывается на каждое моё движение. Подмахивает, разводя ноги шире. Скулит и рычит от наслаждения, плавясь подо мной, покоряясь.

Одна за другой на её шее, груди, бёдрах расцветают багровые метки. Засосы и укусы. Печати изголодавшегося по ней зверя.

Она вся принадлежит мне!

Внутренний волк захлёбывается в экстазе и рычит: Моя!

И её волчица отзывается всем своим существом. Каждый взмах её бёдер, каждая отчаянная мольба, каждый оргазм — это упоительная капитуляция.

Чувствую, как её лоно сжимается вокруг меня в очередной неистовой судороге, и я, теряя последние крохи контроля, вколачиваюсь в неё с безудержной силой, чтобы спустя несколько минут с сожалением покинуть её тело. Быть в нём правильно, покидать его — кощунство.

Зачерпнув пальцами вытекающую из неё белую, вязкую жидкость, я сосредоточенно размазываю её по животу, груди, бёдрам своей самки.

Моя!

Но этого мало. Мне. Этого. Мало. Раз за разом я жадно беру её, не в состоянии насытиться. А она отзывается, не в силах мне отказать, не в силах бороться с собственным желанием.

Лишь на рассвете, когда всё её тело, каждая пора, каждая клеточка, пропитано мной и беззвучно кричит о том, кому принадлежит, я наконец успокаиваюсь.

Моя.

Она принадлежит мне!

Деклану Гримшоу.

Лара

Чувствую себя раздавленной, униженной. Тело ноет после изнурительной ночи, а душа...

Она надрывно кричит раненой птицей, попавшей в безжалостный капкан метки, что отключает разум и оставляет лишь голые инстинкты. Ненавижу её! Ненавижу себя и собственное тело, неспособное ей сопротивляться! Грязное, похотливое, гадкое.

Всё как и тогда, но теперь мне не сбежать, никогда уже не отмыться. Я в ловушке разъярённого тюрьмой зверя.

Зачем я это сделала? Зачем сама себе подписала смертный приговор?

Тогда, три года назад, мне стоило просто уйти. Найти деньги, чтобы подпольно свести метку. Тихо, не позорясь, не говоря никому ни слова. Забыть. Будто ничего и не было. Он бы не нашёл меня, и весь этот кошмар давно остался в прошлом.

Я бы жила нормальной жизнью. Возможно, даже встретила бы хорошего парня и влюбилась. Никто бы не шархался от меня, как от прокажённой. Ну зачем я так усложнила себе

жизнь? Исковеркала, разбила... Зачем?

Он бы давно забыл про меня. Просто мимолётный инцидент. С кем не бывает?

Но нет же. Мне понадобилось раздраконить чудовище.

И теперь — снова метка. Только уже законная, нерушимая.

Теперь — клетка. И выхода нет.

У меня есть разум, воля, гордость в конце концов, но какое это имеет значение? Этой ночью я была ничуть не лучше похотливой сучки в течке. Ненавижу!

Его лапищи, как стальные тиски. Прижатая к его горячему спящему телу, я задыхаюсь. Пытаюсь выбраться, освободиться, вдохнуть полной грудью...

— Ты можешь лежать спокойно и не дёргаться? — тут же раздаётся за спиной недовольный сонный голос, и руки ублюдка сжимают меня ещё сильнее.

— Ну так отпусти, раз я тебе мешаю!

— И куда ты собралась? Твоё место — здесь. Может, мне просто запереть тебя в этой комнате? И вовсе не выпускать из кровати? Ты, оказывается, можешь быть такой послушной и податливой. Мне понравилось. Хочу, чтобы ты всегда себя так вела. Как и положено самке.

— Не дождёшься, — огрызаюсь я, и он тут же оставляет на моём теле очередной болезненный след зубов. — Ай! Что ты творишь?! — я резко дергаюсь в его хватке. — Мало того, что я и так вся в твоих укусах?

— Мало. Все должны знать, кому ты принадлежишь. В первую очередь — ты сама. Мне.

— Я не вещь! — отчаянно рычу и пинаю его, сразу же жалея об этом, когда он резким рывком разворачивает меня на спину и нависает сверху.

— Ты будешь той, кем я захочу! Поняла?!

Я испуганно смотрю в его чёрные глаза, горящие звериной яростью. Пугающие. Прожигающие насквозь. Вжавшись всем телом в матрас, отчаянно желаю раствориться в нём, исчезнуть. С трудом отворачиваю голову в сторону, не в силах больше выносить этот взгляд.

— На меня смотри! — рычит он, больно впиваясь пальцами в мой подбородок и силой разворачивая к себе лицом.

Я зажмуриваюсь, упрямо не желая сдаваться. Мало ему того, что моя волчица в его полной власти?

— Не смей закрывать их!

Его голос вибрирует от бешенства, и мне становится по-настоящему страшно. Открыв глаза, я заглядываю в его бездонные, бессердечные омуты. Внутри всё дрожит от его напора. Горло сдавливает спазмом. Слюна застывает комком — не сглотнуть.

— Отвечай! — требует он. Его гнев вырывается наружу невидимым спрутом, стискивая моё ослабевшее тело смертоносными щупальцами. — Ты меня поняла?!

Я отчаянно мотаю головой. У меня не осталось ничего кроме упрямства. Всё остальное... Он забрал.

Ублюдок гортанно рычит. На его шее вздуваются вены, а в глазах полыхает пламя, в котором нет ничего человеческого. Одним резким движением он переворачивает меня на живот, вдавливая в кровать своим весом, не давая пошевелиться.

А потом впивается зубами в метку.

Я вскрикиваю. Мне так больно, что слёзы сами брызгают из глаз и подушка мгновенно становится мокрой.

— Ты. Принадлежишь. Мне. И ты будешь думать так, как я скажу. Будешь делать то, что я велю. Будешь той, кем я захочу.

Я мелко дрожу под ним. С губ срывается отчаянный скулёрж, когда он грубо входит в меня. Задыхаюсь. В голове пусто. Нет ничего, кроме этой разрывающей тело боли.

А потом оно начинает отзываться на его вторжение. По венам разливается мучительная потребность принадлежать и подчиняться ему.

Ведомая инстинктом, я похотливо выгибаюсь навстречу, принимая его ещё глубже. Пальцы впиваются во влажные после ночи простыни, и я стону от накатившего экстаза.

— Да-а-а!

— Вот так-то лучше, — урчит он мне в ухо и толкается.
— Значит, я буду трахать тебя круглыми сутками, пока ты не запомнишь своё место.

— Ненавижу, — шиплю я, как только он выходит из меня.

— Мне плевать, — безразлично бросает он и, оттолкнув

меня, словно использованную вещь, встаёт с кровати и направляется в ванную. — Главное, чтобы ты делала то, что тебе говорят.

— Урод, — выплёвываю я сквозь зубы, когда за ним закрывается дверь, и натягиваю одеяло на голову.

На какое-то время можно притвориться, что меня здесь нет. Что я всё ещё у себя дома. Или у родителей. Что всего этого кошмара попросту не было. Ничего. Не. Было.

Но звук открывшейся двери, и его тяжёлые шаги грубо вторгаются в мою хрупкую иллюзию, разбивая её вдребезги, и я еле слышно стону от разочарования. Повернувшись на бок, плотнее закутываюсь в одеяло, как в спасительный кокон, желая продлить миг призрачной свободы хотя бы ещё на секунду.

Но не тут-то было! Резким рывком ублюдок лишает меня единственного укрытия, грубо обнажая неприглядное настоящее, в котором он — мой владелец.

Его ледяной взгляд пронзает меня, и я инстинктивно сжимаюсь в комок, подтягивая колени к груди, пытаюсь стать меньше. Неужели снова?

Но, к моему огромному облегчению, он лишь медленно проводит взглядом по моему нагому, покрытому его метками, телу, а потом довольно ухмыляется.

— Поднимай свою задницу и тащи её вниз. С тебя завтрак, раз я отпустил Пэм.

— Тебя никто не заставлял этого делать. Я-то тут при

чём?

— Ты моя пара. Моя самка, — язвительно усмехается он, давя на меня взглядом. — Забыла?

— Забудешь тут, как же.

Я ему что, девочка на побегушках?!

Нет. Всего лишь пара, обязанная улаживать своего хозяина. Чтоб его!

С трудом преодолевая раздражение, я поднимаюсь с кровати. Ноги будто свинцовые. Тащусь в ванную. Сопротивление бессмысленно. Чем быстрее он пожрёт, тем быстрее свалит по своим убудочным делам, оставив меня наконец хоть на какое-то время в покое.

— Не боишься, что отравлю? — тихо бурчу себе под нос, но он, конечно же, слышит.

— Ничуть. Шустрее давай. Тебе не понравится, что я сделаю, если будешь тупить, — бросает он, выходя из комнаты.

С бессильной ненавистью, разрывающей меня изнутри, смотрю ему вслед и захожу в ванную. Прислоняюсь лбом к холодному полотну двери и тяжело дышу, пытаясь взять себя в руки.

Чтоб тебя черти задрали!

— Да твою ж мать! — выпаливаю я, когда вижу своё отражение в зеркале. Всё оказывается ещё хуже, чем я ожидала.

Повернувшись спиной, чтобы рассмотреть и её, рычу в бессильной злобе: она тоже усыпана многочисленными багровыми кровоподтёками, следами зубов и засосами. Я, ко-

нечно, в курсе, что секс оборотней редко обходится без них, но не до такой же степени!

Кончиками пальцев я дотрагиваюсь до одного из укусов и шиплю от боли.

Озабоченный ублюдок!

А ещё эта корка засохшей спермы по всему телу. И не только засохшей, и не только снаружи: по внутренней стороне бёдер стекает белесая, липкая влага.

Вот же гадость! К горлу резко подкатывает тошнота.

С отвращением я соскабливаю мерзкие следы ногтями, оставляя на коже красные полосы. От меня же теперь этим ублюдком разит так, что любой волк учует за милю.

Закрываю лицо ладонями, но тут же резко отдёргиваю их. Даже руки воняют им!

Кривясь от отвращения, я забираюсь под душ. Но... Сколько бы геля я ни выливала на себя, сколько бы ни скребла кожу мочалкой, гадкое ощущение, что я осквернена с ног до головы, никак не проходит.

Твою мать! Со злостью я впечатываю кулак в плитку. Мэдс же обещал... Обещал!

«Никакого риска», — говорил он.

Если бы он знал, во что это выльется, втянул бы он меня в эту авантюру? Стал бы так рисковать?

Ха! Да о чём я вообще?! Ему же совершенно ничего не угрожало! Ну получил пару затрещин — и всё.

Это моя жизнь полетела в тартарары. Моя! Не его!

Сползая на пол душевой, я вцепляюсь в мокрые волосы. Отчаянный вой тонет в шуме воды. Никто не услышит, никто не придёт на помощь.

Это конец.

Глава 5

Деклан

Я спускаюсь на кухню, отделенную от гостиной длинным сквозным камином. Огромные панорамные окна заполняют дом светом, стирая границу между интерьером и дикой природой.

Приготовив кофе, как всегда чёрный, я отодвигаю стеклянную дверь и выхожу на террасу. Горячая чашка приятно греет ладони. С наслаждением вдыхаю воздух: он пропитан свежими, будоражащими кровь волка, запахами леса. Хвоя, влажная земля, мох.

Устроившись в кресле, я люблюсь пейзажем. Огромная поляна, окаймлённая мощными многовековыми деревьями, укрыта клочьями приземистого тумана.

Тишина. Умиротворение.

Я доволен. Всё прошло как надо. И даже эта её абсурдная попытка сбежать от меня снова ничего не испортила.

Дурная самка, почему-то сопротивляющаяся метке. Но... возможно, так даже будет интереснее ломать эту строптивую дрянь, указывая положенное ей место.

Внутренний волк урчит от удовольствия, предвкушая,

сколько ещё раз мы возьмём эту упрямую сучку. Каждый день. Каждую ночь. До конца её дней. И, может быть, когда-нибудь она искупит свой долг. Или нет. Я ещё не решил.

А ведь я давал ей шанс. Если бы тогда в машине моя пара ответила, что тоже соскучилась по мне, если бы она...

Я улавливаю знакомые запахи — у нас гости. Я ждал этого визита, ничто в стае не ускользает от внимания Альфы. Правда, слегка удивлён его благоразумию: он дождался утра, хотя мог бы заявиться и устроить скандал ещё вчера. Неужели сообразил, что даже ему не поздоровится, если он встанет у меня на пути?

Идёт не один, прихватил с собой нескольких оборотней-прихлебателей. Я хмыкаю, продолжая пить кофе. Отец прекрасно понимает: в одиночку ему со мной не справиться. Он, конечно, Альфа, вот только я давно не тот щенок, что будет покорно сносить его побои.

Вскоре на краю поляны появляется пышущий гневом Арэн Гримшоу, Альфа стаи Шэдоу-крик. Не сбавляя скорости, он стремительно приближается к террасе.

Высокий, почти моего роста, темноволосый. Мы похожи внешне — и только. Отец давно утратил хватку, заостенел в рамках никчёмных правил, которые боится нарушить, трясясь за свою репутацию. Но кому сдалась репутация слабака и труса? Поразительно, как он до сих пор умудряется удерживать власть над стаей.

— Деклан!..

— Метка нанесена законно, — не поднимаясь с кресла, я лениво смотрю на него, сразу ставя в известность. Нет смысла тратить время на пустые обвинения и крики.

— Хочешь сказать, в этот раз она добровольно подставилась? Не держи меня за идиота, щенок! — кричит он, сжимая кулаки до побелевших костяшек. Брызги его слюны летят в мою сторону. — Тебе мало двух с половиной лет? Понравилось? Ещё хочешь?! Я не буду тебя прикрывать, Деклан! Даже не надейся!

Забавно, что он всё ещё считает меня малолеткой и ждёт, что я буду молча сносить все его придирки.

— Можно подумать, ты раньше это делал, — пожимая плечами, я медленно встаю с кресла и направляюсь обратно в дом, спиной чувствую его испепеляющий взгляд.

Оставляя своих прихвостней за порогом, он следует за мной.

Отец и палец о палец не ударил, чтобы выгнать меня из дерьма, которое заварил эта сучка. Слишком правильный, а по сути, лишь прикрывающий каким-то там законом собственную трусость, Арэн Гримшоу, решил, что мне «пора учиться нести ответственность за свои поступки».

И то, что меня выпустили на полгода раньше, не его заслуга, а моя собственная. «За примерное поведение» значит в характеристике от начальника тюрьмы. Мы с большим на всю голову ублюдком легко нашли общий язык.

— Кофе будешь? — спрашиваю я, и, не дожидаясь ответа,

достаю чистую чашку. — Завтрак не предлагаю. Моя пара пока ещё слишком... Не освоилась, одним словом.

— Да какая она тебе пара?! — взрывается отец, и с силой бьёт кулаком по столу — моему столу. Но он пока ещё Альфа, и я делаю вид, что ничего не заметил. — Она же сразу побежит сдавать тебя! Хотя нет... я сделаю это сам. Если ты такой идиот и жизнь тебя ничему не учит!

— Давай. Ты же за этим своих шавок притащил, — бросаю я, пока кофеварка шипит и плюётся, наполняя чашку для отца. — Не боишься подмочить авторитет? Альфа, который сам не может справиться с одним-единственным волком.

— Я не понимаю, почему ты такой спокойный, — неожиданно устало говорит он и усаживается за стол.

Поставив перед ним чашку, я сажусь напротив и расслабленно откидываюсь на спинку, в то время как руки отца, сцепленные в замок, лежат на столешнице, а его плечи сгорблены.

— Всё по закону, — спокойно повторяю ему. — Метка поставлена на Ночи поиска пары. Тебе не о чем волноваться.

Его драгоценная репутация слабака в полной безопасности.

Отец приподнимает бровь, смотрит на меня скептически. На его лице написана абсолютная уверенность, что мне нечем крыть.

Я неспешно поднимаюсь и ухожу в кабинет, чтобы вер-

нуться спустя пару минут и положить перед ним тонкую папку.

Он хмыкает и начинает придиричливо изучать копию договора, особое внимание уделяя подписи сучки. Потом поднимает на меня глаза: в них читается то самое, привычное с детства недоверие.

— Я хочу с ней поговорить, — наконец выдаёт он.

И что ему на этот раз не так?

— Зачем? — спрашиваю я нарочито расслабленно, не выдавая своего раздражения его жалкими попытками подловить меня.

— Я должен быть уверен, — в его голосе наконец прорезается сталь. — Стае не нужны очередные проблемы с законом. Хватило и прошлого раза.

— Думаешь, это подделка? — хмыкаю в ответ.

Он меня совсем за идиота держит?

— Я. Должен. Быть. Уверен. Мне второй суд не нужен.

— Ты легко мог и первого избежать, — холодно напоминаю я.

Отец всегда был таким. Не понимает: для таких, как мы, законов не существует. Мы сами — Высший закон.

— Не пытайся свалить это на меня, Деклан! — Он с силой бьёт ладонью по столу, отчего чашка с громким звяканьем подскакивает на блюде. — Приведи её. А вы... можете идти, — даёт он отмашку своим шавкам, мнущимся за порогом.

Он проиграл этот раунд. Понял, что ничего не может сделать, но всё ещё цепляется за последнюю соломинку.

Как же он слаб. И всё слабее с каждым днём.

Лара

Выйдя из ванной, я слышу голоса. Сердце ёкает, и я, торопливо натянув джинсы и толстовку, осторожно приоткрываю дверь. Затаив дыхание, прислушиваюсь. Различаю крик. Сразу понимаю, что это может быть только отец этого ублюдка. Маловероятно, что кто-то другой может так орать на него.

В моей груди вспыхивает искра надежды... И тут же, не успев разгореться, гаснет. Я подписала договор. Теперь никто не в силах мне помочь.

Голоса стихают, и я слышу шаги. Размеренные. Тяжёлые. Он поднимается.

Я инстинктивно отскакиваю от двери —вдох, выдох — и тут же резко распахиваю её, делая вид, что как раз собиралась выйти. Он же требовал с меня завтрак. Надеюсь, он поверит, что я совсем ничего не слышала.

Ублюдок стоит наверху лестницы. Слишком близко.

Непроизвольно ёжась, я обнимаю себя за плечи и отступаю на шаг.

— Пришло время познакомиться с твоей новой семьёй, — с кривой ухмылкой сообщает он.

Семьёй? Бред! Члены семьи не ведут себя так! Но эта простая истина, похоже, недоступна его извращённому сознанию.

Стиснув зубы, я делаю шаг вперёд, хотя внутри всё мелко дрожит от страха. Мне нужно использовать этот шанс. Нужно поговорить с Альфой. Да, он не поможет мне выбраться из этой западни, но я могу убедить его дать мне возможность позвонить родителям. Уверена, что они с ума сходят от беспокойства. Мой телефон вчера разбился на пристани, а просить этого ублюдка... Ничуть не сомневаюсь, что это бесполезно.

Собственническим жестом он притягивает меня к себе. Наклоняется, шумно втягивает мой, вернее, свой поганый запах, намертво впитавшийся в моё тело, и издаёт низкий, удовлетворённый рык: я воняю им, я принадлежу ему.

Я терплю, с трудом сдерживая подкатившую к горлу тошноту и желание вырваться из его удушающих тисков. Главное сейчас — сохранять спокойствие. Добраться до старшего Гримшоу.

К глазам подступают слёзы, и я до боли прикусываю губу. Держаться. Надо держаться. Он не увидит, как я реву. Не дождётся!

Вместе мы спускаемся по лестнице. Я скольжу взглядом по стеклянному ограждению и холодным металлическим перилам. Весь этот дом дышит стерильным, ультрасовременным минимализмом. Такой разительный контраст с дикими, первобытными инстинктами его хозяина.

Я настороженно смотрю на Альфу, поджидающего нас в холле. Могу ли я вообще рассчитывать на него? Ведь он отец этого ублюдка. Правда, тогда, в суде, он ничем ему не помог... и потому может быть...

Но в его безразличных глазах ни намёка на снисхождение.

— Отец, познакомься с моей парой, — самодовольно заявляет ублюдок, впиваясь руками в мой бок, буквально вдавливая в себя. Мне трудно дышать.

— Мы уже, к несчастью, знакомы, — кривится старший Гримшоу и протягивает мне бумаги, в которых я сразу узнаю договор. Тот самый, что подписала перед Ночью поиска пары. — Твоя подпись? — требовательно спрашивает он.

— Да. Моя, — тихо отвечаю я, и в груди снова вспыхивает глупая, отчаянная надежда. А вдруг, если я всё объясню Альфе, он поможет мне выбраться из этого дерьма? Ведь тогда Арэн Гримшоу не стал отмазывать сына. Вдруг они враждуют? Вдруг он поможет мне хотя бы назло ему? — Но... понимаете, вышло недоразумение, я... — не успеваю договорить, как пальцы ублюдка на моей талии сжимаются с такой силой, что в глазах темнеет от боли, и я, проглатывая стон и игнорируя его безмолвный приказ замолчать, выкрикиваю:

— Я не хотела ставить метку! У нас был план!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.